

Рудан Наталья Сергеевна – аспирантка кафедры философии, социологии и менеджмента социокультурной деятельности Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д.Ушинского»

УДК 101.1+130.2+165.6/.8

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСЬКА СУТНІСТЬ КАТЕГОРІЇ «КУЛЬТУРА»

Рассматривается социально-философская сущность категории «культура» как системообразующего понятия современного общества. Сравниваются основные подходы к культуре. Изучается творческая функция культуры. Показывается надприродность культуры. Выделяется ряд сущностных подходов к пониманию культуры: либеральный, цивилизационный, символический, коммуникативный и антропологический.

Ключевые слова: культура, характеристики культуры, доминантные маркеры культуры, цивилизация, символы культуры, социокультурные качества человека.

СОЦИАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКА СУТНІСТЬ КАТЕГОРІЇ «КУЛЬТУРА»

Розглядається соціально-філософська сутність категорії «культура» як системоутворюючого поняття сучасного суспільства. Порівнюються основні підходи до культури. Вивчається творча функція культури. Показується надприродність культури. Виділяється ряд сутнісних підходів до розуміння культури: ліберальний, цивілізаційний, символічний, комунікативний і антропологічний.

Ключові слова: культура, характеристики культури, домінантні маркери культури, цивілізація, символи культури, соціокультурні якості людини.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ESSENCE OF THE CATEGORY "CULTURE"

The social and philosophical essence of the category "culture" as a system-forming concept of modern society is considered. The main approaches to culture are compared. The creative function of culture is studied. The culture is shown to be overborne. A number of essential approaches to the understanding of culture are distinguished: liberal, civilization, symbolic, communicative and anthropological.

Key words: culture, characteristics of culture, dominant markers of culture, civilization, symbols of culture, social and cultural qualities of a person.

Понятие «культура» используется многими науками. Различные стороны культуры являются предметом изучения археологии, этнографии, истории, философии, социологии, искусствоведения, этики, религиоведения и других гуманитарных дисциплин. В каждой из конкретных наук культура истолковывается по-разному. Отсюда – огромный разброс определений культуры. Еще в начале 50-х годов XX столетия было подсчитано, что имеется более 257 определений этого понятия [1]. Более того, существующие определения очень часто противоречат друг другу или, по крайней мере, не вполне согласуются между собой. Разброс определений понятия культуры вызван, во-первых, специфическими интересами каждой конкретной науки, во-вторых, разнообразием мировоззренческих позиций различных ученых и групп исследователей внутри каждой отдельной науки, в-третьих, сложностью, динамизмом, многоуровневым характером самого феномена культуры.

Культура – исключительно многообразное понятие. Этот термин появился в Древнем Риме, где слово «cultura» обозначало возделывание земли, воспитание, образование. Римский писатель Катон Старший написал трактат о земледелии, употребив слово «агрикультура» [2]. Речь в нем шла об уходе за участком земли. Возделывание почвы невозможно без особого душевного настроя, без предельного интереса к участку не будет и культуры. Затем слово «культура» отрывается от земной почвы и метафорически соотносится с разумностью. Так,

Марк Туллий Цицерон уже имел в виду не землю, а духовность, ведя речь о необходимости развития культуры души и духа [3]. Войдя в обыденную человеческую речь, в ходе частого употребления это слово утратило свой первоначальный смысл и стало обозначать самые разные стороны человеческого поведения, а также видов деятельности.

Учитывая социально-философский характер исследования, культура представляется нам как область человеческой деятельности, связанная с самовыражением (культ, подражание) человека, проявлением его субъектности (субъективности, характера, навыков, умения и знаний).

Следовательно, всякая культура имеет дополнительные характеристики, так как связана и с творчеством человека, и с повседневной практикой, коммуникацией, отражением, обобщением и его повседневной жизнью. Культура является маркером и основой цивилизаций. Культура не имеет количественных критериев в численном выражении. Доминанты или признаки являются достаточными для отражения признаков культуры. Наиболее часто различают культуры в периодах изменчивости доминантных маркеров: периодов и эпох, способов производства, товарно-денежных и производственных отношений, политических систем правления, персоналий сфер влияния и так далее.

Культуру часто определяют как «вторую природу». Такое понимание восходит к античной Греции. Без природы не было бы культуры, однако если бы человек не переступил пределов природы, он остался бы без культуры. Культура есть акт преодоления природы, выход за границы инстинкта, сотворение того, что может надстроиться над природой. Культура предполагает спонтанный, свободный вид активности, преодолевающий видовую закрепленность.

Культура надприродна и искусственна, это радикальный поворот в органическом развитии мира. Человек претворяет и достраивает природу. Культура – это формирование и творчество. Преобразуя окружающую его природу, человек одновременно перестраивает и себя самого. Чем шире его деятельность, тем более преобразуется, совершенствуется он сам. Освоить природу означает овладеть не только внешней, но и внутренней, человеческой природой.

Рассмотрим существующие понятия культуры в каждом из пластов его (то есть понятия) дивергенции. Начнем экспликацию диапазона понятия культуры с рассмотрения его распространенного обиходного значения. Так, в самом общем смысле под культурой чаще всего понимают духовную жизнь общества в целом, достижения науки и искусства, усвоенный в процессе обучения и воспитания способ поведения, а также духовный мир личности или уровень развития чего-либо. Кроме того, термин «культура» имеет ряд специальных значений. Так, в этнографии этот термин обозначает определенную групповую общность людей, в археологии – совокупность сходных ископаемых памятников одного времени и так далее. С другой стороны, для этнографов каменный топор или глиняные изделия являются элементами культуры, тогда как, скажем, психологи, вряд ли отнесут эти объекты к культуре.

Как видим, принципиально важное значение имеет понимание культуры в качестве совокупности процессов, радикально отличающихся от природных (естественных). Имеет место весьма существенное противопоставление природного и культурного, естественного и искусственного. В этом смысле культура «неестественна» – она искусственна, поскольку процессы в сфере культуры не происходят стихийно, «сами по себе». Они требуют постоянно воспроизводящегося человеческого усилия, и культура не может быть рассмотрена изолированно от человеческой деятельности. Поэтому культура – это, прежде всего, процесс возвышения над биологическими формами жизнедеятельности [4; 5; 6]. Иначе говоря, культура может быть охарактеризована как специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, принципиально отличающейся от биологических форм жизни. Следовательно, культура неразрывно связана с тем, что называется «человеческим в человеке» и что отличает человека от всех прочих живых существ. Возвышение над биологическими формами жизнедеятельности означает переход от менее сложной к более

сложной форме организации, преодоление «природного хаоса». Таким образом, культура – это процесс усложнения, возвышения, и именно в этом смысле она «неестественна».

При описании этой ситуации в культурологии иногда используется заимствованное из естествознания понятие энтропии. В физике это понятие служит для характеристики направления протекания самопроизвольных процессов в термодинамической системе и меры их необратимости. Чем меньше энтропия, тем более сложно организована система, и наоборот. Поэтому, характеризуя культуру через понятие «энтропия», можно сказать, что культура – это целостный космический феномен, неэнтропийная живая система, способная постоянно повышать уровень своей организации.

Понятие культуры может быть применено как к отдельному человеку, так и к обществу. Если говорить об отдельном человеке, то понятие культуры применимо по отношению к любой человеческой способности [7, с. 88]. Можно выделить, например, культуру ухода за телом и культуру духовной жизни. В самом деле, человеческое тело, в отличие от тел всех других живых существ, приобретает особое значение. Оно становится и социальным знаком, указывающим на место данного человека в общности, и предметом поклонения и заботы, требующим приложения определенных усилий. Чем дальше человеческое тело отстоит от тех функций, которое оно имеет «само по себе», как элемент природы, тем оно более «окультурено».

Важно подчеркнуть, что уже с самого начала слово «культура» имело смысловой оттенок «почитания», «поклонения», то есть некоторого «культы». Римский оратор и философ Марк Туллий Цицерон начал применять это слово к той стороне человеческого бытия, которую сейчас называют «духовностью». Для Цицерона философия была культурой духа и ума, предполагающей поклонение духовной стороне человеческой личности. Поэтому «культура» становится термином для обозначения личного совершенствования человека, его «возделывания», наделяющего его способностями для выполнения общественных обязанностей [3]. К слову сказать, именно такое понимание и употребление данного термина открывает для нас возможность анализа проблемного поля статуса экономической культуры.

Возвращаясь к рассмотрению эволюции понятия культуры, можно сказать, что в Средние века, как считают многие исследователи, слово «культ» употреблялось чаще слова «культура». Имелось в виду одухотворение человека посредством определенных ритуальных действий, обеспечивающих его приобщение к Богу. В эпоху Возрождения происходит перенесение акцента с Бога на человека, происходит попытка восстановления основных черт античного понимания культуры. Культура истолковывается в качестве средства духовного раскрепощения человека и его всестороннего развития.

Культура становится предметом специального изучения только в Новое время. Считается, что впервые в качестве самостоятельного понятия она была рассмотрена в сочинениях немецкого просветителя Самюэля фон Пуфендорфа [8]. Он противопоставляет культуру природному, естественному состоянию человека. Это противопоставление целенаправленных сил и способностей человека дикой, необузданной стихии природы является важнейшим для всех последующих подходов к пониманию культуры.

В эпоху Просвещения центр внимания при рассмотрении культуры переносится на человеческий разум: в массе своей люди перестают жить в соответствии с ритмами природы, соотнося свою жизнь с новыми, искусственными ритмами городской жизни. Вследствие этого формируется и новый человеческий тип – личность самостоятельная, деятельная, расчетливая, привыкшая полагаться только на собственные силы и собственный разум. Именно поэтому культ разума образует в эту эпоху смысловое ядро понимания культуры [9, р. 237]. Определенной самокритикой такого понимания взаимосвязи разума и культуры явилась философия Жан-Жака Руссо, который не обольщался прогрессом культуры, сопровождаемым, по его мнению, упадком нравов, и противопоставлял развращенному цивилизованному человеку простоту и чистоту нравов некоторого вымышленного «добраго дикаря». Позиция Ж-Ж. Руссо во многом определила истолкование культуры в немецкой классической философии.

Вслед за Руссо представители классической немецкой философии. Так, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.И. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель видели наличие в культуре таких элементов, которые препятствуют свободному развитию человека. Поэтому для них культура – это развитие духа человека и область его духовной свободы.

Последующее развитие взглядов на культуру связано, прежде всего, с критикой эволюционистских представлений. Возникают различные варианты концепции «локальных цивилизаций», главным образом в философских системах О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби. К изучению культуры начинают применяться методы философского структурализма, психоанализа и феноменологии, что способствует возникновению и формированию различных культурологических школ. Их рассмотрение обусловлено необходимостью уточнения понятия культуры в контекстах их теорий.

Начнем рассмотрение культурологических школ с общественно-исторической школы, так как именно она имеет наиболее давние, «классические» традиции и восходит к Канту, Гегелю и Гумбольдту, группируя вокруг себя преимущественно историков и философов. Ее видными представителями в Западной Европе были Шпенглер и Тойнби, а в России – Н.Я. Данилевский [10].

Вряд ли кто оказал такое заметное влияние на культурологическую мысль первой трети XX века, как Шпенглер [11, 12]. Подобно Ницше, он был ярким представителем так называемой философии жизни, противопоставляя в процессе познания живую интуицию «мертвому» рационализму и опираясь при определении культуры не на ее материально-техническую сторону, а на ее органическую природу. Он считается классиком цивилизационного подхода к истории, то есть такого ее рассмотрения, когда историческими субъектами выступают не отдельные народы и государства, а их обширные многовековые конгломераты, объединенные общей, прежде всего духовной культурой. В этом Шпенглер повторял Н.Я. Данилевского [13] и так же, как он, был одним из самых последовательных критиков европоцентризма и теории непрерывного прогресса человечества, считая Европу уже обреченным и умирающим его звеном. Шпенглеру принадлежит и наиболее распространенная трактовка различий между понятиями «культура» и «цивилизация», подробно развитая им в книге «Закат Европы». В этой книге он рассматривает историю как чередование культур, каждая из которых представляется им в виде некоего «организма», спаянного внутренним единством и обособленного от других, подобных ему «организмов». Существование общечеловеческой преемственности в культуре Шпенглер отрицает. В истории человечества он выделяет 8 культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-исламскую, западноевропейскую и культуру майя в Центральной Америке. В качестве новой культуры, по Шпенглеру, грядет русско-сибирская культура.

Каждому культурному «организму» отмерен примерно тысячелетний срок существования, всякое глубинное и плодотворное взаимодействие между ними невозможно. Умирая, каждая культура вырождается в цивилизацию, переходит от творческого порыва к бесплодию, от развития к застою, от «души» к «интеллекту», от героических «деяний» к утилитарной работе. Такой переход для греко-римской культуры произошел, по Шпенглеру, в эпоху эллинизма, а для западноевропейской культуры – в прошлом веке. С наступлением цивилизации начинает преобладать массовая культура, художественное и литературное творчество теряет свое значение, уступая место бездуховному техницизму и спорту. В 20-е годы XX века «Закат Европы», по аналогии с гибелью Римской империи, воспринимался как предсказание апокалипсиса, гибели западноевропейского общества под натиском новых «варваров» – революционных сил, надвигавшихся с Востока.

Следующий представитель этой же школы Арнольд Джозеф Тойнби [14, 15]. Первоначально Тойнби рассматривал историю как совокупность параллельно и последовательно развивающихся «цивилизаций», генетически мало связанных одна с другой, каждая из которых проходит одинаковые этапы от подъема к надлому, распаду и гибели. Позднее он пересмотрел эти взгляды, придя к заключению, что все известные культуры,

питаемые мировыми религиями (христианством, исламом, буддизмом), суть ветви одного человеческого «древа истории». Все они имеют тенденцию к единству, и каждая из них – его частица. Всемирно-историческое развитие предстает в виде движения от локальных культурных общностей к единой общечеловеческой культуре. В отличие от О. Шпенглера, выделявшего всего 8 «цивилизаций», Тойнби, опиравшийся на более широкие и современные исследования, насчитывал их от двух до трех десятков, позднее остановившись на тринадцати, получивших наиболее законченное развитие. Движущими силами истории, помимо божественного «провидения», Тойнби считал отдельных выдающихся личностей и «творческое меньшинство». Оно отвечает на «вызовы», бросаемые данной культуре внешним миром и духовными потребностями, в результате чего обеспечивается поступательное развитие того или иного общества. При этом «творческое меньшинство» ведет за собой пассивное большинство, опираясь на его поддержку и пополняясь за счет его лучших представителей. Когда же «творческое меньшинство» оказывается неспособным воплотить в жизнь свой мистический «жизненный порыв» и ответить на «вызовы» истории, оно превращается в «господствующую элиту», навязывающую свою власть силой оружия, а не авторитетом; отчужденная же масса населения становится «внутренним пролетариатом», который совместно с внешними врагами, в конечном счете, разрушает данную цивилизацию, если она раньше не гибнет от естественных катастроф. Не отрицая поступательного развития человечества, Тойнби видел его, прежде всего, в духовном совершенствовании, в религии, которая в будущем станет единой общечеловеческой религией.

Не менее интересной является символическая школа. Все процессы, происходящие в культуре, рассматриваются представителями этой школы как чисто коммуникационные. Культура понимается как некая знаковая система, созданная человеком в силу присущей только ему способности к символизации, а через нее – и к взаимной информации. Первый толчок такому пониманию культуры дал швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, выдвинувший идею о том, что наряду с лингвистикой, изучающей лишь языковую систему знаков, можно представить себе более всеобъемлющую науку, которая охватила бы все знаковые системы в их совокупности и соотносительности с окружающим миром. Постепенно культура в целом стала рассматриваться как сложнейший и строго иерархизированный «текст», несущей опорой которого является естественный язык, органически взаимодействующий с другими «языками» – системами знаков в науке, повседневной жизни и особенно в искусстве с его «языками» музыки, живописи, театра, архитектуры, кино, телевидения и так далее.

Действительно, если культуру выражать в языковых символах и других видах сигналов и передавать во времени и пространстве разного рода интеллектуальную и эмоциональную информацию, то перед нами откроется картина неуклонного восхождения человека к своему нынешнему информационному, а, следовательно, и культурному могуществу. Первобытный человек мог выразить в языке – системе символов – лишь самые примитивные мысли и передать их в пространстве не более, чем на дистанцию голоса, а во времени, до появления наскальных рисунков, он вообще был неспособен увековечить движения своей души, с развитием языка и возникновением изобразительного искусства и письменности возможности человека в этом отношении неизмеримо увеличились. С изобретением транспортных средств и печати они стали еще больше, а когда человек в XX веке начал широко использовать телеграф, телефон, радио, кино, телевидение, видеоаппаратуру, его способность передавать идеи и информацию стала практически безграничной, включая и выход в открытый космос. Радикально изменились и скорость передачи, и богатство форм передаваемого символического материала: от устно-языковой к печатной, визуальной, аудиовизуальной, черно-белой, цветной, стереофонической, стереоскопической вплоть до самой совершенной – цвето-стереофоноскопической. Недалеко то время, когда, усовершенствовав электронные средства воспроизводства образов мира во всем богатстве его движения, звуковой и цветовой гаммы, объемного восприятия, люди смогут создавать «вторую действительность», практически

неотличимую от материального оригинала.

Таким образом, человека конца нашего столетия окружает не только, а часто и не столько реальный, естественный мир, сколько искусственная информационно-символическая вселенная, созданная развитием языка, других знаковых систем, печати и массовых аудиовизуальных средств воспроизведения действительности. Все это натолкнуло ученых на мысль, что у истоков человеческой культуры лежит свойственная лишь человеку способность создавать знаки, символы окружающей его реальности и передавать их во времени и пространстве. Такому взгляду способствовало и развитие новейших наук: семиотики, информатики и кибернетики, изучающих общие законы оформления, получения, хранения, переработки и передачи информации. Через эти отрасли знания культурология, наука до последнего времени чисто гуманитарная, получила прямой выход в мир техники и практического применения в сфере создания ЭВМ и даже искусственного интеллекта. Кроме того, данное понимание культуры расширило сферы ее применения и предоставило возможность рассматривать ее более глобально, подчеркивающее ее определяющее значение для общества. Поэтому мы и говорим о социально-философской сущности категории «культура».

Из многочисленных представителей символической школы, работавших в самых различных отраслях науки и в сфере массовой коммуникации, следует выделить ее патриархов – Э. Кассирера и К. Леви-Стросса.

В основе концепции культуры Эрнста Кассирера – человеческая способность к массовой, систематической и постоянной символизации, иными словами, подход к культуре преимущественно с позиций семиотики [16, 17]. По Кассиреру, логика окружающего мира неотделима от логики знаков, ибо знак или символ – не просто оболочка мысли, но и ее необходимый инструмент. Словесные и иные знаковые обозначения в повседневной жизни, науке и искусстве не только передают во времени и пространстве ту или иную информацию, но придают ей определенную форму и сохраняют ее на века, образуя огромный и избирательно пополняющийся мир человеческой культуры. Истоки культуры Кассирер ищет не в глубинах некоего божественного духа, как Кант и Гегель, не в инстинктах человека, как Фрейд и этологи, не в его потребностях, как Малиновский, и не в его социальной организации, как Парсонс, а в его способности творить некий искусственный, окружающий нас мир, обозначая реальность определенными символами. Язык, наука, искусство, религия, мифы суть составные части символического круга, в котором живет и страдает человек. То обстоятельство, что он, в отличие от животного, обладает окружающей его символической системой, и составляет специфику его жизни. По сравнению с другими живыми существами человек находится как бы в новом измерении действительности, живет не просто в физической, а в символической вселенной. Язык, миф, искусство, религия, все наши духовные проявления – части этой вселенной. Они как нити сплетаются в плотную символическую сеть, которая, хотя и накапливает человеческий опыт, но порой заслоняет от нас реальность. Наш духовный прогресс в мысли и опыте только тому и служит, что делает эту сеть все более сложной и непроницаемой для здравого смысла естественного человека. В той мере, в какой возрастает его символическая активность, физическая реальность для него отходит на второй план. Отсюда огромная разница в восприятии мира между представителями различных культур. «Цивилизованный» человек уже не может иметь дело непосредственно с вещами, а взаимодействует с ними не иначе, как с помощью искусственных средств, языковых форм, художественных образов, мифических символов, религиозных обрядов. Исходя из этого, Кассирер предлагает называть человека не мыслящим животным, как это уже стало традиционным, а символическим животным, имея в виду тот очевидный факт, что у животного, в отличие от человека, нет внутреннего мира, нет воображения. В ответ на воздействия реальности человек как бы уходит в себя, в свою внутреннюю вселенную и живет там своими мыслями и идеями. А животное сделать этого не может, оно накрепко привязано к «здесь и теперь» и всегда ориентировано лишь на внешний и вполне реальный мир. Важной

культурологической темой у Кассирера является тема мифа как одного из важнейших объединительных и одновременно иллюзорных элементов любой культуры. Философ особо останавливается на идеологических мифах современности, со строго антропологической точки зрения ничем не отличающихся от мифов античного мира или мифов примитивных и первобытных народов.

Взгляд на человека как на неотъемлемую часть животного мира, обладающую, однако, свойственными лишь людям социокультурными качествами, всегда был определяющим в классической антропологии. При этом, по мнению ученых-естествоиспытателей, в ходе длительной эволюции соотношение между «природным» и «человеческим» в рамках биологического вида *Homo sapiens* неуклонно менялось в пользу последнего. Человек из существа естественного, живущего инстинктами и чувствами, постепенно превращается в некую искусственную, скованную ограничениями и правилами структуру, подчиненную, прежде всего, разуму, точнее – оторванному от реальности абстрактному мышлению. О скрытых опасностях такой трансформации, как известно, говорили многие выдающиеся умы, в том числе Руссо, Ницше и Фрейд. Осмыслению и практическому исследованию этой проблемы на примере «примитивных» племен Южной и отчасти Северной Америки посвятил свою жизнь французский этнограф, антрополог и философ культуры Клод Леви-Стросс [18]. Леви-Стросс – создатель структурной антропологии – науки, в основе которой лежит использование некоторых приемов структурной лингвистики и информатики при анализе культуры и социального устройства первобытных племен.

Вслед за К.Г. Юнгом, он верил в существование некоего «коллективного бессознательного», глубоко запрятанного в человеке, отграничивающего людей от животного мира и представляющего собой первооснову любой культуры. Проведя этнографические исследования во многих странах «третьего мира», ученый отверг европоцентризм, стремясь показать ложность понятия «дикарь», выявить силу и своеобразие мышления примитивного человека, заложившего еще в эпоху неолита основы технического и индустриального прогресса. По мнению Леви-Стросса, первобытный народ не является отставшим или задержавшимся в своем развитии народом, он в той или иной области может проявлять такие способности к изобретательству и к воплощению изобретений в жизнь, которые оставляют достижения цивилизованных народов далеко позади. Нам представляется, что французский этнограф идеализирует нравственные устои первобытного общества, развивая мысль о необходимости восстановления в человеке единства чувственного и рационального начал, утраченного в результате развития цивилизации. С ностальгией говоря о первобытных обществах, теснимых научно-техническим прогрессом, он пишет, что треснувший колокол, один переживший разрушительную работу времени, никогда не издаст тех гармоничных созвучий, которые он издавал в прошлом. При оценке общей пропорции «природного» и «социального» в поведении цивилизованного человека Леви-Стросс, вслед за Кассирером, признает чрезмерную роль формализма и условностей во взаимоотношениях людей, решающее влияние на их поступки символических форм, традиций, ритуалов и прежде всего языка, порождающего все общественные институты.

Призывая вслед за Руссо, почитателем которого был Леви-Стросс, восстановить нарушаемую цивилизацией гармонию человека с природой, французский философ считал, что никогда на протяжении последних четырех веков существования западный человек не имел лучшей возможности, чем сейчас, чтобы понять, что, присваивая себе право устанавливать преграды между человеческим и животным миром, предоставляя первому все то, что он отнимает у второго, он опускается в некий адский круг. Ибо эта преграда, становясь все более непроницаемой, используется для отделения одних людей от других и для оправдания в глазах все более сокращающегося меньшинства его претензии быть единственной человеческой цивилизацией. Такая цивилизация, основанная на принципе и идее повышенного мнения о себе, является гнилой с самого своего рождения.

Все же, с нашей точки зрения, культура и изучающая ее наука отнюдь не могут быть

сведены к всеобщему символизму, хотя большинство культурологов в качестве важнейшего признака культуры и признавали способность человека к символизации. Если принять все ту же достаточно упрощенную, но полную глубокого смысла античную формулу культуры как единства Истины, Добра и Красоты, то есть науки, нравственности и искусства, а семиотический подход многое может объяснить нам прежде всего в таких составных частях культуры, как язык, наука, искусство, но мало что откроет в природе нравственности, в извечной борьбе Добра и Зла, составляющей едва ли не основное духовное содержание самого понятия «культура».

Только обобщая все вышеприведенные подходы к категории «культура» и настаивая на ее всеобщем значении и применении, мы можем понять, к чему движется Человечество и корректировать наш генетический код с учетом общечеловеческих ценностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kroeber A.L. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge / Kroeber A.L., Kluckhohn C., MA: The Museum, 1952. - 223 p.
2. Cato, Varro. On Agriculture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1934. - 576 p.
3. Cicero. Tusculan Disputations. Rev. ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1945. - 624 p.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства / Бердяев Н.А. Т. 1. Москва: Искусство, 1994.- 541 с.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Тейяр де Шарден П.- Москва: Наука, 1987.- 240 с.
6. Халапсис А.В. Опыт онтологии культуры / Халапсис А.В. // Філософія і соціологія в контексті сучасної культури: Зб наук праць.- 1999.- С. 60-67.
7. Давидович В.Е. Сущность культуры / Давидович В.Е., Жданов Ю.А.- Ростов-на-Дону: РГУ, 1979.- 264 с.
8. Pufendorf S. On the Duty of Man and Citizen. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 236 p.
9. Fremont-Barnes G, editor. Encyclopedia of the Age of Political Revolutions and New Ideologies, 1760–1815. Westport, CT: Greenwood Press, 2007.- 867 p.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Данилевский Н.Я. - Москва: Книга, 1991.- 574 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / Шпенглер О.- Т. 1. Гештальт и действительность. Москва: Мысль, 1993.- 663 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск: Попурри, 1999.- 720 с.
13. Халапсис А.В. Философия и геополитика Николая Данилевского / Халапсис А.В.- Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2017.- 188 с.
14. Тойнби А.Дж. Постигание истории / Тойнби А.Дж.- Москва: Прогресс, 1991.- 736 с.
15. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Тойнби А.Дж. Москва: Прогресс-Культура, 1996.- 480 с.
16. Кассирер Э. Естественнонаучные понятия и понятия культуры / Кассирер Э. // Вопросы философии.- 1995.- №8.- С. 157-173.
17. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Кассирер Э. - Москва: Гардарика, 1998.- 784 с.
18. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Леви-Стросс К.- Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.